

После этих предварительных замечаний можно перейти к рассмотрению некоторых важных для нашей цели материалов. Прежде всего нужно ознакомиться с состоянием средств обмена, т. е. с римской монетной системой, в начале IV в. н. э. Тут особенно важен период Диоклетиана, а также и Константина I, завершившего денежную реформу. Золотая монета — *aureus*, — при Диоклетиане составлявшая $\frac{1}{96}$ римского фунта времен Нерона (3,41 г), при Константине весила $\frac{1}{72}$ римского фунта, т. е. 4,55 г (*solidus aureus*). Серебряная монета времен Диоклетиана весила 3,41 г — $\frac{1}{96}$ фунта и называлась *siliqua*, *argenteus minutulus* или *denarius communis*. Серебряные монеты другого типа имели тот же вес (4,55 г), что и *solidus aureus*, и носили название *miliarensis*, *resunia maior* или *maiorina*; их стали чеканить при Константине I. Что же касается медных монет, их вес изменялся на протяжении всего IV в. (так, уже в эпоху Константина *nummus centenialis* или *centenialis communis* варьировал между 3,55—2,60 г), но еще Диоклетиан установил их соотношение с золотой монетой, а именно золотой фунт равнялся 50 000 *nummi minutuli*. В то время как при Диоклетиане единственное точно установленное соотношение было между золотой и медной монетой, а серебряная монета — по справедливости названная бедной родственницей — находилась в неустойчивом положении, в эпоху Константина и она обретает свое место среди монет, утвержденных и защищаемых законами империи. Соотношение между золотом и серебром устанавливается как 1 : 13,88⁶.

В свете этих данных нам легче будет определить, во-первых, в какой степени состояние наших источников позволяет установить преобладание денежного обращения или же, наоборот, преобладание натурального обмена в империи в IV—V вв.; во-вторых, имеем ли мы действительно дело с такой монетной политикой, целью которой было покровительствовать традиционной римской форме экономической жизни в противовес все более развивающимся формам натурального обмена, отчетливо заметным уже в конце III в. н. э.

Что касается первого вопроса, необходимо напомнить результаты исследований, предпринятых Г. Миквицем, М. Блоком, А. Пиганьолем, Г. ван-Вервеке⁷ и в последнее время Маццарино. Автор данной статьи разработал также некоторые частные вопросы этой проблемы в труде, опубликованном около 20 лет тому назад⁸.

Результаты, к которым пришли все вышеуказанные историки и экономисты, дают нам возможность говорить о том, что в IV—V вв. н. э. имела место своего рода «стабилизация» денег и денежного обращения. Во избежание путаницы или модернизации истории античности, против которых я сам же предостерегал в начале статьи, спешу добавить, что

⁶ E. Babelon. *Traité des monnaies grecques et romaines*, v. I. Paris, 1901, p. 530, 565, 566, 574, 610, 612; K. Pink. *Die Goldprägung des Diokletians und seiner Mitregenten*. Num. Zeitschrift, Bd. LXIV, 1931; idem. *Die Silberprägung der Diokletianischen Tetrarchi*. Ibid., Bd. LXIII, 1930.

⁷ G. Mickwitz. *Geld und Wirtschaft im römischen Reich des vierten Jahrh. n. Chr.* (Societas Scientiarum fennica. Commentationes humanarum litterarum, vol. IV, № 2). Helsingfors—Leipzig, 1932; A. Piganiol, in: *Annales d'histoire sociale*, VII, 1945; idem. *Le problème de l'or dans le monde antique* (ibid., VI, 1935, p. 235); M. Bloch. *Le problème de l'or au moyen âge*. *Annales d'hist. écon. et soc.*, vol. V, 1933; H. van Wervecke. *Économie-nature et économie argent*. Ibid., vol. III, 1931, p. 428; A. Piganiol. *Le problème de l'or au IVe siècle*. *Ann. d'hist. soc.*, 1945, 47.

⁸ E. Condurachi. *La politique financière de l'empereur Julien*. Acad. Roum., Bull. de la sect. hist., vol. XXII, 2, 1941, p. 85 sq. К сожалению, как об этом будет сказано в дальнейшем, эта работа не только устарела в настоящее время, но и с самого начала была основана на неправильных методологических принципах.